

ГЛАВА 4. Блеск и ужас героев древности

В половине десятого Бай Юйшу вспомнила, что она голодная.

Она сделала несколько увеличенных снимков последнего артефакта, убрала его в специальный футляр и сунула в рюкзак.

Она развернула один тако и нашла в закладках любимую оперу.

Пятнадцать минут больше, пятнадцать минут меньше.

Поесть-то она может, разве нет?

"... Раньше я был силен,

Я мог двигать горы и править миром.

Теперь счастье изменило мне,

И конь мой не скачет.

Конь - это не беда,

Но что же мне делать с тобой, ах, Юй!.."*[5]

Бай Юйшу жевала тако с острым соусом, а по лицу ее катились слезы.

Ее не столько трогало выступление певцов в ярких костюмах, похожих на китайские термосы, сколько вся трагическая судьба героя Сян Юя, победившего тиранов Цинь - только для того, чтобы умереть и отдать Поднебесную трусливому и подлому Лиу Бану. Больше всего ей было жалко Сян Юя из-за того, что у этого могучего человека было такое нежное сердце и он так любил свою младшую жену.

"- Господин,

если вы будете прорываться сквозь войска Хань,

Я буду вам только мешать.

- Нет! Нет!

- Прощайте, господин!"

Закончен танец с мечами, и колокольчики жалобно звенят.

Бедные Сян Юй и Юй-цзи!* (□ цзи - (классический китайский) женщина, наложница)

Историю их любви люди помнят через сто поколений.

Бай Юйшу вытерла мокрое лицо салфеткой из ланч-бокса и выключила компьютер.

Она попрощалась взглядом со своим уютным пристанищем, поставила помещение на сигнализацию и вышла на высокое крыльцо.

Как в династию Цинь, как в династию Хань, луна вставала над землей.

Ткали без устали тени воздушное полотно.

Ночь таила темные силы веками в диких горах.

- Ху-ху!

- Аааай!

На сосне ухнула сова, и Бай Юйшу подскочила от испуга.

Шорох у стены.

Она боялась обернуться, замерла, как кролик под кустом.

Она перестала дышать.

Тепло чужого тела приблизилось сзади.

(Чан ЯньЮань:) - Одиннадцатый час! У тебя голова есть?!

(Бай Юйшу, дрожащий выдох:) - Ффуу... Я убью тебя, Чан ЯньЮань! Посмотри, у меня вся голова седая!

(Чан ЯньЮань:) - Дурочка, что ж ты так кричишь?

(Бай Юйшу:) - Ты не мог войти в дом, как нормальный человек?! Обязательно пугать?!

(Чан ЯньЮань:) - Ты там ревела! Как будто я не знаю, как ты начинаешь заливаться слезами каждый раз... (поет надтреснутым голосом, как в китайской опере) "Что мне делать с тобой, Бай Цзюй, что мне делать?"

(Бай Юйшу:) - Ха-ха-ха!

Фамилия Бай Юйшу писалась 白 (бай, "сто"), но папа Бай, романтическая душа, назвал дочку "Юй" 玉 (нефрит), так что имя ее звучало как "бай юй" 白玉 (белый нефрит). Чан ЯньЮань, конечно, давно переделал его в 白 (бай цзюй, "сто кошмаров").

(Чан ЯньЮань:) - Ты огурцы съела?

Пауза, малюсенькая такая.

- Конечно, - честно ответила Бай Юйшу.

- Хм, - сказал Чан ЯньЮань, отбирая у нее рюкзак и вешая его на одно плечо, поверх собственного.

- Чего ты домой не пошел?

- Нужно было прихватить по дороге одну молодую госпожу, которая боится темноты.

- Кто боится?!

Чан ЯньЮань вздохнул.

- Конечно, сова, - сказал он. - Она чуть с дерева не рухнула, когда ты заорала от стра... ой,

прости, от радости, что надо топать ночью полтора километра по пересеченной местности.

Бай Юйшу подняла голову и, не вступая в дебаты, пошла вперед, свободная и гордая женщина социалистического Китая.

- Ху-ху!

- Ай!

- Ха-ха-ха!

- Смотри, что сегодня наши раскопали, - сказал Чан ЯньЮань, на ходу показывая снимок в телефоне. - Похоже на шпильку.

- Хм, странно... короткая... Это в какой могиле?

- Номер шесть. Она была среди остатков лакированной шкатулки, так что, есть причины думать, что она из женских аксессуаров, но все равно непонятно, что это...

- Дай сюда... Ну да, юбка-восьмиклинка...

- Похоронена молодая женщина, около двадцати лет...

- ...Брошки, а это...

Находка действительно больше всего по форме напоминала шпильку для волос. Покрытая зеленоватой патиной, безошибочно указывающей, что предмет изготовлен из бронзы, она была примерно в мизинец длиной и по всей длине украшена выпуклой спиралью. Головка была широкая, округлая, посередине проходила линия, почти скрытая напыльями патины. У Бай Юйшу появилось странное чувство, что она такой предмет уже видела, но сколько она не перебирала в уме бронзу всаднической культуры Сычуани и литье царства Цинь, ничего на ум не приходило.

Он шли вдвоем мимо полей, в которых музейный трактор с включенными фарами допахивал последнюю борозду, чтобы днем студенты изображали трудолюбивых крестьян.

Они шли вдоль берега, там плакучие ивы размахивали в темноте ветвями, как привидения. Редкие фонари искажали очертания деревьев и делали их еще ужаснее. Ветки вытягивались, как пальцы, трогали за плечи и хотели поймать.

Они вошли в бамбуковую рощу, где царил мрак и шелестели листья, как будто призраки шептались. То один, то другой суставчатый ствол начинал противно скрипеть. Отблеск луны пробивался иногда сквозь колышущиеся листья и скользил по стене растений, а потом угасал, словно еще одна живая душа уходила в мир теней.

Чан ЯньЮань в темноте нашел руку Бай Юйшу, пропустил ее пальцы сквозь свои и сжал ее маленькую ладошку. Его ладонь была теплой и широкой. У Бай Юйшу было оправдание не отнимать руки, она же боится темноты.

Они шли сквозь тени, сцепившись пальцами, прижимаясь плечами друг к другу.

(Чан ЯньЮань, продолжает старый спор:) - ... ты как историк должна различать художественный вымысел и выводы на основе реальных событий. Ван-гегемон Сян Юй был извергом своего века, а ты над ним плачешь.

(Бай Юйшу:) - Про императора Цинь Шихуанди* ты забыл? Бай Ци, заготовитель человечины*? Тот же Лиу Бан*[6] разве никогда не устраивал резню в завоеванном городе? ЯньЮань, если бы ты водил войска во время Сражающихся Царств*[7], ты бы тоже резал мирное население, казнил солдат сотнями тысяч, бросал людей в кипяток, хоронил живьем... такая у полководца работа. Современным людям уже не понять.

(Чан ЯньЮань, усмехается:) - Лоу-лаоши очень даже понимает... Наверно, сейчас сидит обиженный, что ему не дали меня сварить!.. Бай Цзюй, хорошо рассуждать о серийном убийце на расстоянии трех тысячелетий. Вот когда он будет резать тебе горло, ты и расскажешь, что в нашем третьем до начала летоисчисления веке все такие, работа, что поделаешь... а в общем, он милейший человек... жену любит...

(Бай Юйшу, смеется:) - ... (толкает приятеля плечом)...

(Чан ЯньЮань:) - Понимаешь, сознание другое. Причины не важны. Это сознание зверя, хищника. Он смотрит на тебя и видит кусок мяса.

(Бай Юйшу, не соглашается:) - Так что, все герои древности, которыми мы восхищаемся, про которых снимают эпопеи, четыре великих генерала*[8] - все, по-твоему, звери?

(Чан ЯньЮань:) - Конечно. Для них живые люди были расходным материалом, тысячи и сотни тысяч... Нет, пожалуйста, восхищайся - только близко не подходи. Как к тигру - смотри на него в зоопарке через решетку. Еще лучше - в кино.

(Чан ЯньЮань, качая головой:) - Страшно представить, что стало бы с Поднебесной, если бы после Шихуанди к власти пришел Сян Юй, который даже читать не умел! Твой великий герой.

(Бай Юйшу, спорит:) - Император Шихуанди умел читать, однако он приказал сжечь все книги в Поднебесной.

(Чан ЯньЮань:) - Сян Юй приказал бы сжечь всех, кто книги написал!

(Бай Юйшу:) - Шихуанди закопал их живыми!

(Чан ЯньЮань:) - Только алхимиков! И не всех, а четыреста шестьдесят человек... тех, что не смогли составить эликсир вечной жизни.

(Бай Юйшу, иронизирует:) - А, ну тогда ладно! Ха-ха-ха! Алхимиков можно... лишь бы не историков... (сердито бормочет) Подумаешь большое дело, 460 алхимиков, никто и не заметил...

(Чан ЯньЮань:) - Твой Сян Юй похоронил живыми двести тысяч циньских солдат! Ты можешь себе представить, сколько это? Население города! После того, как они сдались в плен, между прочим.

(Бай Юйшу:) - Твой Шихуанди половину Поднебесной за ничтожные проступки согнал строить Великую Стену и мавзолей, и они там умерли от истощения!

Бай Юйшу начала сердиться и толкаться боком.

- А твой Сян Юй сломал моему Шихуанди мавзолей и разграбил его! - сказал Чан ЯньЮань, чтобы подразнить подружку.

- Так твоему Шихуанди и надо! - заявила Бай Юйшу. - Долой класс кровопийц и эксплуататоров трудящихся!

Второй молодой господин Чан Констракшен Корпорейшн рассмеялся.

- Сян Юй был точно таким же наследственным аристократом, как Шихуанди, - справедливости ради напомнил он. - Жадным, жестоким и алчным до власти.

- Вы все такие! - надменно заявила Бай Юйшу.

Они стояли возле высоких ворот у подъема на гору.

Было уже одиннадцать часов.

- Кошмарик, поздно уже, давай, я провожу тебя до дома? - предложил Чан ЯньЮань.

- Не надо, - опустив глаза сказал Бай Юйшу. - Меня Ван Джэкунь будет встречать у метро. Я ему позвонила.

- Правда?

- Правда.

Бай Юйшу, продемонстрировала последние звонки в телефоне.

- Что ты разводишь панику? Тебе же Мао СинЮнь сказала: поймали главного маньяка и насильника. Сучжоу - маньяк-фри зон!* (maniac free zone - зона, свободная от маньяков). Можно хоть в трусах по ночам расхаживать.

"Fuck, я же Ван Джэкуню забыла позвонить, когда уходила с работы! - вспомнила она. - Заболталась с Чан ЯньЮанем! Ван Джэкунь, наверно, злится!"

Она вспомнила про новую жизнь, которая у них скоро начнется.

Все будет в порядке, она все исправит.

Ей надо больше бывать дома, они с Ван Джэкунем найдут какое-нибудь интересное занятие, чтобы проводить время вместе. Им ведь было раньше весело и хорошо вдвоем, разве нет?

Съездят куда-нибудь.

Может быть даже, будут на пару играть в его дурацкие шутеры...

У Ван Джэкуня не будет больше причин сердиться на нее и молчать, а она не будет все время чувствовать себя виноватой, как будто сделала что-то плохое.

Жалко, что Чан ЯньЮаню она не могла рассказать.

Не хотела пока рассказывать.

По какой-то причине, она вдруг почувствовала, что начинающаяся у нее новая жизнь отдаляет ее от Чан ЯньЮаня, как будто она теряет его.

Но ведь между ними ничего не изменится?

Чан ЯньЮань всегда будет рядом, не может быть, чтобы не был.

Они дружат столько лет.

Белая луна сияла так ярко, что в ее сиянии бледнели звезды.

Серебряная река* простиралась через все девять небес - так же, как в эпоху Цинь, так же, как в эпоху Хань.

Столько лет. Столько тысяч лет.

Нет пути с одного берега к тебе на другой берег.

* (银河 (инь хэ) - Серебряная река, т.е. Млечный путь)

На станции он отдал ей рюкзак, она вошла в вагон, стеклянные двери закрылись. Бай Юйшу на прощанье посмотрела на легкую фигуру Чан ЯньЮаня в синих джинсах и белой рубашке, оставшуюся на платформе.

Почему-то ей стало труднее дышать.

Как будто они прощаются навсегда.

Как будто завтра в перерыве они не будут есть тако и смеяться на деревянной веранде под соснами и кустами акации.

Она села на скамейку в пустом вагоне и достала телефон.

Из Сучжоу она каждый день ехала 50 километров в спальный район на окраине Шанхая, где у них с Ван Джэкунем была своя маленькая квартира в новостройке. Они очень радовались, когда смогли ее купить.

Ответили не сразу.

- А-Кунь! Я уже еду!

- Понятно.

- Ты кровати не купил?

Пауза.

- Черт, забыл. Работы много... Детка, может, ты зайдешь по дороге?

- Ладно, я зайду.

Отбой.

Ей даже знать не хотелось, работа это или "Тотал вар". Или "Озабоченные подружки хентай".

Бай Юйшу посидела немного, поджав губы, но потом лицо ее озарилось вдохновением, она

открыла приложение и вошла в музейный блог под аккаунтом Чан ЯньЮаня.

- Хе-хе.

*[5] Пекинская опера "Прощай, моя konkубина" - трагическая история о возвышении и смерти гегемона Сян Юя (3 в. до н.э.)

*[6] Император Шихуанди (основатель династии Цинь) (259 - 210 г. до н. э.) считается самым жестоким императором в истории Китая. Особенно знамениты совершенные по его приказанию сожжение всех книг и погребение заживо более 400 алхимиков.

* Бай Ци (3 в. до н.э.) - считается самым жестоким военачальником в истории, прозвище 烹人 (заготовитель человечины), на его счету документально около миллиона смертей (служил при императоре Шихуанди)

* Лиу Бан (3-2 в. до н.э.) - сначала соратник, а затем - соперник гегемона Сян Юя в борьбе за свержение династии Цинь и занятия престола. Известен коварством и подкупам. Основатель династии Хань.

*[7] период Сражающихся Царств 春秋 (5-3 в. до н.э.) - время непрекращающихся войн между китайскими древними царствами

*[8] четыре великих генерала - самые выдающиеся полководцы, чьими победами царству Цинь удалось покорить другие древние царства Китая. В их число входил также "заготовитель человечины" Бай Ци.

<http://tl.rulate.ru/book/80035/2459113>